

Е.А.А-17324

и 49624969

СВЯЩЕННИК Г. ПЕТРОВ

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

ЕВАНГЕЛИЕ В ИСТОРИИ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПУТЬ ЖИЗНИ“

1937

ЕВАНГЕЛИЕ В ИСТОРИИ.

Прошло слишком 1900 лет со времени Христа Спасителя, а до устроения жизни людей по евангельскому учению куда как далеко. Немудрено поэтому, что многим думается, будто учение Христово вообще не в силах исправить человеческую жизнь.

— Две почти тысячи лет проповедуется Евангелие, — говорили одному верующему христианину, — а на что похожа жизнь христиан?

— Если они так плохи теперь, когда у них есть Евангелие, — отвечал верующий, — то что же было бы с ними, если бы они совсем не знали учения Христа? Люди близорукие и с бельмами на глазах спотыкаются и при свете солнца; как бы они ходили, если бы вокруг них постоянно была полная тьма?

Чтобы правильно судить о том, изменилась ли человеческая жизнь под влиянием учения Иисуса Христа, действует ли на людей Евангелие, надо сравнить, какова была жизнь людей во времена Спасителя и какова теперь.

Один из ученых рисует жизнь того времени так:

„Рим во времена Спасителя был владыкой мира. Все подчинялось Риму и платило ему дань. Богатства его были несметны. К нему стекались ученые, писатели, художники. Рим был центром образованности и тем не менее жизнь его была ужасна.

Рим был расположен на берегу реки Тибра и раскинулся по семи холмам. В нем жило два миллиона людей, высилось четыреста храмов, красовались две тысячи дворцов государя и

римской знати. Каждый такой дворец в отдельности был целый городок. Его окружали парки, сады, роскошные бани, зверинец и безконечные службы. Внутри все блестело баснословной роскошью. Потолки и стены были украшены картинами, тонкой резьбой по дереву, цветным мрамором; пол выстлан мозаикой. Рабочий стол вылит из чистого золота или весь вырезан из одного громадного куска дерева. По полкам вдоль стен лежат тысячи рукописей знаменитых писателей — поэтов, мудрецов, но хозяин редко заглядывает в них. Он занят заботами об обеде или ужине, который дает многочисленным гостям и прихлебателям. К его столу свозится лучшее со всего мира: из одного места вино, из другого устрицы, из третьего фрукты, из четвертого дичь. Один ужин иногда обходился в миллионы сентов. Бывали кушанья, которые приготавливались из павлиньих языков или из мозгов попугаев. Гости возлежали на пурпурных ложах. Рабы, которые служили, были подобраны по росту, по цвету волос. Одну смелую блюдо подавали в одних одеждах — белых, другую — в голубых, третью — в красных и т. д. Вокруг гремела музыка, пели знаменитые певцы, лучшие артисты читали стихи. Сверху на гостей прыскали дорогими духами, сыпали цветы. Все это стоило страшных денег и все это было награблено и все это всем надоело, все приелось. Предлагались громадные деньги в награду, не придумает ли кто нового удовольствия или забавы. Обидно было за людей, что к их

услугам были все богатства мира, весь человеческий ум, вся наука, поэзия и искусство, а они жили только для утробы.

Перейдем ли из дома на улицу, в общественную жизнь — та же грубость и пустота. Вот знаменитый римский театр. Восемьдесят тысяч зрителей с утра наполняют его, на арене грызутся голодные звери, львы, тигры, слоны, носороги. Вой, стон и рев. Все залито кровью. Народ требует гладиаторов. Выходят гладиаторы, особые бойцы, обученные для боя в театре. Начинается борьба людей и зверей. Убитых убирают. Выходят новые бойцы. Один с трезубцем хочет пронзить другого, другой издали ловит его арканом. Другие сражаются с завязанными глазами, норовят поразить друг друга по слуху. Там вышла шеренга на шеренгу; там сражаются на колесницах. Кровь льется рекою, слышатся стоны, злобные крики, а толпа ревет от восторга. Идут споры, кто одолеет кого.

Так жила знать, лучшие люди. Народные же толпы томилась в невежестве, рабстве и нищете. Об них никто не думал; их не считали даже за людей. Однажды все бойцы были перебиты, а звери еще оставались на арене. Тогда император послал воинов в ряды зрителей и оттуда похватили десятка два, кого попало, и побросали их зверям. Другой раз в цирке должна была бежать любимая лошадь государя. Народ с вечера толпами теснился у цирка, близ императорских конюшен. Император, боясь, чтобы шум толпы не потревожил покой его любимого коня, велел побросать в толпу сотни припасенных ядовитых змей. Так поступали с свободным народом. Как же жи-

лось рабам? К ним ни закон, ни люди не знали жалости. За малейшую провинность несчастных били железными цепями, терзали острыми крючьями, клеймили раскаленным железом. Больного или увечного раба, как бесполезное животное, выбрасывали на острова Тибра, где он и умирал без малейшего призрения. Пытка употреблялась при самых маловажных следствиях, и смерть на кресте была самой обыкновенной казнью.

Ужасное было время, ужасные люди, ужасные нравы! Одни утопали в роскоши, другие жили скотами. И вот в этот мир безысходных страданий одних и невыносимой тоски и пресыщения других вдруг несет слово любви и братства. Миллионам забитых, задавленных, униженных говорят, что и они люди, что и о них печется общий Отец, что Спаситель и им принес спасение. Да, за это учение они пойдут и на муки и на смерть; и они шли, шли спокойно, с радостью во взоре, со словами любви и мира, прощения на устах.

Выросшие в христианских понятиях, с детства привыкшие к великим словам Христова благовестия, мы не понимаем часто, как дорога людям та или другая евангельская мысль. Человек, выросший в довольстве, не понимает, какую ценность имеет для бедняка гривна или пятак.

„Блаженны нищие духом, блаженны кроткие, милостивые, чистые сердцем, блаженны гонимые за правду“. . . Все это были лучи яркого света в непроглядную тьму. Люди увидели, что пред ними открывается новая жизнь; что, пойдя они за Христом, у них будет не зверин-

ное царство, а царство Божие на земле. Евангелие несло людям свободу, свободу от зла; несло и нужную для этой свободы новую силу духа. „Если имеете веру и не сомневаетесь, скажите горе этой пусть сдвинется и ввернется в море, — и будет по слову вашему, если не усомнитесь“.

Теперь последний раб пред Богом может стать выше кесаря, властелина Рима. Высшую силу человеку дает не власть, не знание, не богатство, не знатность рода, а вера в Бога и в Божию правду. Ради этой силы, ради правды Божией, люди готовы были оставить все. Они были, как купец, который ищет редкой жемчужины и когда ее находит, идет продает все и покупает ее. Для них теряли силу даже узы кровного родства.

Козьма Минин, призывая в Нижнем-Новгороде народ к освобождению Москвы от неприятеля, говорил: „Если надо, заложим жен и детей“. Для христианина дороже всякой родины должно быть прежде всего Царство Божие. Поэтому Спаситель и говорил, что тот не достоин Его, кто любит более Его—отца, мать, дочь или сына.

Таким образом, все самые великие и святые слова и мысли в мире, что истинная ценность человека зависит прежде всего от достоинства души, что дороже и выше всего на земле правда Божия и что этой правде надо жертвовать всем, — все это принесено людям христианством.

И если люди после тысячи девятисот лет проповеди такого чистого святого учения на земле все еще грубы нравственно, то, действительно, каковы же были бы они, если бы не существовало Евангелия?

Под гору катиться легко, в пропасть можно слететь в одну — две секунды, а что бы взобраться снизу на вершину, для этого могут потребоваться долгие часы и даже дни. Люди до времени Христа Спасителя скатились в очень глубокую пропасть, — Евангелие привело их в чувство, указало им, как подыматься вверх, и люди движутся, насколько им позволяют силы. Чем выше поднимаются они, тем чище воздух, тем легче дышится, тем больше прибывают силы.

Мы застали человечество уже на дороге. Давно оно двинулось в путь; но к сожалению, недалеко еще ушло.

Медленно, стало-быть, идет; часто бывают остановки: нет добрых вожяков, редко слышится воодушевленное слово: „Вперед! Вперед!“ Надо подбодрить. Если хотим, чтобы люди шли быстрее и бодрее, станем впереди, увлечем их за собою.

Не угашайте духа! Пусть гора зла еще велика! „Имейте веру Божию. Ибо истинно говорю вам,—обещает Спаситель,—если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, будет ему“ (Мрк. XI, 23).

